

Владимир Колабухин

**Со многими
неизвестными**

Владимир Колабухин

**Со многими неизвестными.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Колабухин В.

Со многими неизвестными. Повести и рассказы / В. Колабухин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967669-6

В эту книгу вошли в основном детективные повести о работе сотрудников милиции в последние годы существования СССР. Её главные герои — журналист Глазунов, следователь милиции Демичевский и сотрудник уголовного розыска Ракитин. Живущие в разные годы в разных уголках страны, эти молодые люди стремятся во что бы то ни стало найти и привлечь к ответственности виновных в совершении тяжких преступлений. В книгу включены и другие остросюжетные произведения.

ISBN 978-5-44-967669-6

© Колабухин В.
© Издательские решения

Содержание

Кто стрелял в «Бирюзе»?	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Со многими неизвестными Повести и рассказы

Владимир Колабухин

Второе издание, печатается с исправлениями и дополнением.

Редактор и корректор Светлана Чеканова

© Владимир Колабухин, 2019

ISBN 978-5-4496-7669-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кто стрелял в «Бирюзе»?

Повесть

1.

Говорят, понедельник – день тяжёлый. Не знаю, не знаю... Может быть. Но утро того памятного мне понедельника выдалось солнечным. Небо ясное-ясное! Майский воздух, освежённый коротким ночным дождём, был удивительно душист от расцветающей сирени...

Я жил тогда неподалёку от городского отдела милиции, где работал следователем. И до чего же хорошо было у меня на душе в то чудесное утро! Мог не спеша пройтись по затенённому большими старыми липами городскому бульвару, посидеть в укромном уголке на скамейке и помечтать о чём-нибудь заветном, пусть, может, и несбыточном...

Да, утро есть утро! И думается лучше. Недаром говорится, что утро вечера мудренее. Вот и ко мне в то утро пришла мысль о том, что не настолько уж я закоsnел на своей следственной работе, как полагала моя соседка по квартире Леночка — гибкая девушка с мягким овалом лица и большими зелёными глазами. Она учительница, русского языка и литературы в школе. Голос у неё мягкий, приятный. К тому же она очень красива. Вместе с её приветливой мамашей Екатериной Ивановной, весьма пожилой, располневшей седовласой женщиной, они занимала две смежные комнаты. Я – третью. Так уж получилось, что однокомнатных квартир нашему отделу не выделили, и меня, выпускника юридического института, просто-напросто «подселили». Елена, судя по всему, была не прочь завести со мной роман. А у меня он уже был, но лишь оставил в сердце боль. И, конечно, я уже стал не настолько наивен, чтобы таять от улыбок хорошеньких девушек, поэтому в обращении с Еленой, наверное, и впрямь был суховат.

«Только что-то вдруг сегодня, — думал я, — её образ словно застыл перед глазами?..»

Я поднялся со скамейки и не спеша направился к выходу. Время в запасе ещё было. Да и служба моя такая, что излишней торопливости не терпит, требует внутреннего спокойствия и уверенности. А то утро было такое замечательное! Может, подумал, и весь день будет таким же?

Так же не спеша, я покинул бульвар, пересёк по белым полоскам перехода залитую солнцем площадь и через минуту был уже в вестибюле отдела. Заглянул в комнату дежурного, а там, кроме его помощника – молодого широкоплечего сержанта Кандаурова, – никого больше не увидел, хотя обычно в это время здесь можно было встретить кого-нибудь из работников уголовного розыска. Значит, ничего существенного за воскресенье не произошло

Я подошёл к столу Кандаурова, поздоровался и спросил:

– Как дела? Где дежурный?

Сержант устало поднял на меня припухшие от бессонной ночи глаза:

– Здравия желаю, товарищ капитан. Пока всё в норме. Если до девяти не поступит заявлений, то вам сегодня лафа... А дежурный к руководству ушёл, – докладывать.

– Твоими бы устами – да мёд пить! – сказал я, улыбнувшись ему. Широкое лицо сержанта наполнилось простодушной улыбкой. И в этот момент на пульте вспыхнул жёлтый огонёк «02».

Кандауров схватил телефонную трубку.

– Милиция!.. Что? А кто говорит?

Я спросил сержанта:

– Ну что?

Он прикрыл ладонью трубку.

– Муж у одной буянит...

И опять в телефон:

– Да-да... Успокойтесь, пожалуйста. Мы немедленно выезжаем.

Вот так-то, подумал я, ничего себе начался денёк! Вышел в коридор, привычно поднялся по крутой лестнице на третий этаж и зашагал в свой кабинет. Там в открытую форточку вливался всё тот же густой запах расцветающей сирени. Он снова возвратил меня к мыслям о Елене. Как любит она выискивать в её гроздьях «счастливые» соцветья!.. Вот придёт вечер, и я опять пройду по бульвару, накуплю для неё сирени. Пусть порадуется!

Улыбаясь своим мыслям, принялся за работу: изучал справки и протоколы, писал запросы, опрашивал свидетелей, проходивших по текущему в моём производстве уголовному делу. Ждал вечера. И дождался — телефонного звонка дежурного:

– Демичевский?.. Срочно с опергруппой на выезд!

Оказалось, сработала сигнализация ювелирного магазина «Бирюза»!

Не прошло и трёх минут, а наш «уазик», включив сирену, уже мчался по улице. Сидели и гадали: что там, в «Бирюзе»? И самое худшее предположение оправдалось – разбойное нападение.

«Как же такое случилось?» — спросили мы в магазине. И вот что выяснилось.

За пять минут до закрытия «Бирюзы» кто-то позвонил со двора у служебного входа. Думая, что приехали инкассаторы, директор магазина Шляпникова, пожилая дородная женщина, собирающаяся через месяц уйти на пенсию, спокойно открыла дверь и... отшатнулась. Высокий. Молодой, черноволосый мужчина с пистолетом в руке подтолкнул Шляпникову к её кабинету, рванул там со стола одну из инкассаторских сумок с дневной выручкой и перебросил сообщнице, такой же молодой смуглолицей особе, появившейся на мгновение за его спиной.

Ещё до того, как налётчик потянулся за второй сумкой, Шляпникова успела нажать потайную кнопку сигнала тревоги. Завыл «ревун». Преступник отпрянул, выстрелил, не целясь, и выскочил во двор. Громко хлопнула дверца машины, заурчал мотор, и через несколько секунд всё стихло...

Шляпникова выглядела испуганной, но невредимой. Только губы белые тряслись, не переставая.

– Да вы не волнуйтесь, не переживайте так, – попытался я успокоить её и коротко передал в райотдел по телефону первые сведения о случившемся.

Шляпникова расстроено всплеснула руками:

– Как не переживать?! Ведь чуть не всю выручку унесли.

Она потянулась к графину с водой. Я опередил, подал полный стакан. Пока Шляпникова пила, вместе с экспертом Губиным осмотрел и фотографировал место происшествия. Собственно, осматривать было почти нечего. Её кабинет, где вёлся наш разговор, находился напротив служебного входа. Налётчик действительно мог за секунды осуществить задуманное.

Над столом, за которым сидела моя собеседница, ярко светила красивая хрустальная люстра. В кабинете ещё лишь один небольшой сейф да несколько стульев. Без особых затруднений нашёл на полу у окна пулю, которая попала в стенку и сколола кусочек бетона, а за косяком двери – гильзу. Следов обуви – много, но все затёртые, и разобраться в них было практически невозможно. Лишь в коридорчике у порога кабинета, Губину удалось зафиксировать слабые отпечатки подошвы и каблучка женской туфельки.

Я присел к столу Шляпниковой:

– Так вы говорите, преступников было двое?

– Может, и больше, – не сразу отозвалась она. – Ко мне ворвались двое – мужчина и женщина.

– Как они выглядели?

Но Шляпникова, как и в начале разговора, не смогла описать их подробно: высокий, молодой, смуглолицый мужчина да такая же молодая его напарница-блондинка – вот и всё. И она расстроено стала оправдываться:

– Испугалась очень. Какие уж тут подробности, особые приметы. Спросите, во что были одеты, – и то, наверное, не скажу.

– И всё же?

– Мужчина, по-моему, в тёмном костюме, а женщина... в синем платье, как будто бы, – смущённо пыталась вспомнить Шляпникова, комкая в дрожащей руке мятый цветастый плащечек, которым то и дело обтирала потное лицо. – Кабы не струсила так!..

Я поспешил успокоить:

– Не казните себя напрасно. В ситуации, что случилась с вами, кто не испугался бы. А вы действовали решительно, не дрогнули.

Мне и впрямь было приятно похвалить эту пожилую мужественную женщину. Но она тут же отмахнулась:

– Да какое там решительно! Мне бы после звонка в глазок посмотреть, а не дверь сразу открывать.

– Действительно, а почему вы поторопились открыть дверь?

– Думала, инкассаторы за выручкой приехали. Они всегда в это время появляются у нас.

– Погодите, погодите. Давайте уточним. Во сколько к вам позвонили?

– Я уже говорила – без пяти семь.

– А инкассаторы приезжают?

– В семь. Иногда на минуту-две раньше или позже. Вот что и подвело меня. Ведь звонок был почти в это же время.

Да, видел я этих инкассаторов. Нас дожидались. Даже говорил с ними, поохали они, почувствовали директорше и уехали.

Я задумался. Интересная вырисовывалась картина: рискованно действовали налётчики! Рискованно, но рассчитано, словно всё по секундочкам вывели.

– Значит, вы считаете, что у преступников была машина? — спросил Шляпникова.

– Но ведь кто-то сразу выехал со двора, кто же ещё?

«Конечно, — мысленно согласился я. — Без транспорта им в таком деле не обойтись. Выстрел могли услышать на улице. Следовательно, кто-нибудь мог заметить и машину. Теперь только бы найти очевидцев!»

Я был уверен, что и другие члены опергруппы зря времени не теряют. Зевак на улице, когда мы подъехали к магазину, было немало, да и подворный обход ближайших домов, опрос их жителей мог выявить ценных свидетелей. Кто-то из них, к примеру, в момент происшествия выходил из магазина или разглядывал его витрины, кто-то отдыхал на балконе своего дома или сажал там цветы... Короче, должны быть свидетели!

Поблагодарив Шляпникова, я вышел в коридор.

Как и ожидал, мне уже нашли свидетелей: узкоплечего веснушчатого паренька в линялых джинсах и пёстрой рубашке с отложным воротничком и тощую, как жердь, старомодно одетую старушку. Оба сказали,

что видел желтое такси, выскочившее со двора почти сразу после выстрелов. Номера машины старушка не приметилла. Зато парню, учащемуся художественного училища, запали в память цифры: «37—38».

Я незамедлительно сообщил эти данные дежурному по отделу. Если в машине преступники, и они попытаются выехать из города, им это теперь вряд ли удастся: дежурный передаст мою информацию всем патрульным нарядам и инспекторам ГАИ.

Мы работали до глубокой ночи, делали всё, чтобы раскрыть дерзкое преступление, как говорится, по горячим следам, но... тщетно. Налётчики как в воду канули.

Домой возвратился за полночь. Попытался неслышно пробраться в свою комнату, но Елена тут как тут. На ходу застегнув халатик, поспешила из своей комнаты на кухню.

– Я тебе чаю подогрею.

Отговаривать было бесполезно, и я молча кивнул.

На кухне Лена села рядом со мной за столик и, пока я чаёвничал, не отрываясь, молча смотрела на меня зелёными, как виноградины, глазами. Только на этот раз они казались мне чуть погрузневшими.

– У тебя что-то случилось? – спросил.

– Что у меня может случиться. Пей чай, Демичевский, пей, — ответила Лена. Поспешно отвела взгляд и пыталась улыбнуться.

«Господи! — Чуть не воскликнул я с горечью в душе. — Так ведь хотел принести ей цветы. Надо же, как всё нескладно получилось».

2

Утром я проснулся раньше обычного времени. Прошёл на кухню, а Лена уже сидела у окна, задумчивая и чем-то озабоченная.

– С добрым утром! – заговорил я, улыбаясь. – Что нос повесила?

– Здравствуй! – приветливо ответила она. На лице её тоже появилась улыбка. – И всё-то замечаешь ты, Демичевский!

– Профессия такая! – засмеялся я и подошёл к плите. Осторожно потрогал чайник, а он уже горячий-прегорячий. Положил в чашку ложечку растворимого кофе, сахар, залил кипятком.

– Сегодня опять поздно вернёшься? – спросила Лена.

– Пока не знаю, – ответил, отпивая из чашки маленькими глотками дымящийся душистый напиток. Взглянул на часы. Ещё четверть восьмого. Но дома делать нечего, так что лучше немного прогуляться. Я допил кофе, поднялся из-за стола.

– Ну, пока.

Лена рассеянно кивнула, думая о чём-то своём.

В прихожей я поправил перед зеркалом форму, галстук и вышел на улицу.

Этим утром у меня было не столь радужное настроение, как накануне. В девять часов мне предстояло присутствовать на оперативке у начальника уголовного розыска Белова, и вчерашнее событие в «Бирюзе» не выходило у меня из головы. Расследование предстояло трудное, а с чего начинать? Держал, конечно, в голове несколько соображений, да и был уверен, что в уголовном розыске тоже подкинут мне что-нибудь существенное. Ребята там толковые, оперативники классные. И ниточки у нас есть! Хотя бы тот же след протектора с щербинкой, зафиксированный во дворе магазина, описание нападавших и машины, на которой они приехали.

Без пяти девять вошёл в кабинет Белова. Все оперативники уже в сборе. Опустив седящую голову, Белов медленно расхаживал из угла в угол. Заметив меня, он остановился и, кивком ответив на приветствие, сухо произнёс:

– Что ж, начнём, пожалуй. У кого какие версии по «Бирюзе»?

Я присел на единственный свободный стул у окна. Оглядел собравшихся. Лица у всех озабоченные, глаза хмурые. Многие, наверное, не спали.

– Значит, неизвестные подъехали к магазину на такси? Чьё оно? Кто шофёр? – снова спросил Белов, ни к кому конкретно не обращаясь.

Первым вызвался ответить старший оперуполномоченный Сергей Наумов. Ему недавно исполнилось тридцать, он лишь тремя годами моложе меня, а уже был одним из опытных розыскников.

– Такси принадлежит второму автопарку, – заговорил Наумов, легко поднявшись с дивана. – За машиной закреплены два водителя – Власов Николай Григорьевич, старый кадровый работник, и его молодой сменщик Водолазкин Владимир Константинович, выпуск-

ник автошколы. Вчера вечером работал Власов. По его словам, такси просто-напросто угнали, когда он отлучился в столовую поужинать. Машину его мы пока не нашли.

Густые, нависшие над глазами брови Белова опустились ещё ниже:

– А не может он быть соучастником этого преступления?

Наумов задумчиво пригладил свои русые волосы и, чуть помедлив, возразил:

– Маловероятно. Власов — человек пожилой, передовик труда, вырастил двоих детей, имеет внуков. Маловероятно, Александр Петрович... Маловероятно.

Белов подошёл к окну, стал разглядывать улицу. С каждой минутой солнце всё ярче заливало лучами кабинет, всё громче нарастал шум города. Где-то там, в его необъятных недрах, скрывались те, кого нам надо было найти во что бы то ни стало.

– А что говорят свидетели? – опять спросил Белов.

Наумов сел, а с дивана поднялся рослый и плечистый, как всегда щеголевато одетый оперуполномоченный Громов, мой хороший товарищ и ровесник.

– Свидетелей, паренька и старушку мы установили следующим образом...

Белов резко обернулся к нему:

– Я не спрашивал, как вы разыскали студента Бубнова и пенсионерку Малинину. Что они рассказали? У нас есть фотография Власова?

Я поспешил на выручку Громову. Ведь опрашивать свидетелей пришлось мне, а не ему.

– И фотография есть, и показывали её, — заверил я, поднявшись. — За рулём такси сидела женщина. Разглядеть её свидетели не сумели, а вот мужчину, что находился в салоне машины, запомнили: молодой брюнет. Словом, не Власов. Поскольку Бубнов учится в художественном училище, я попросил его набросать хотя бы приблизительный портрет этого человека. Бубнов согласился, и вот-вот должен его принести.

Я сел, а Белов возвратился к столу, грузно опустился в кресло, задумался. К нему я всегда испытывал настоящую симпатию: волевой, аккуратный деловитый. За ним мы все были как за каменной стеной. То, что он вдруг повысил голос, было совсем не характерно для него. Да и Громов, несмотря на его щегольство и многословие, отнюдь не пустозвон, зарекомендовал себя умелым и знающим работником.

Белов поднял голову.

– У вас всё? – спросил он Громова

— Нет, — торопливо отозвался тот, — разрешите высказать свои соображения.

— Ну-ну... — смягчился Белов. — Выкладывайте.

– Полагаю, что преступники вели многодневное тщательное наблюдение за магазином, — оживился Громов, и сеточка мелких морщинок на его загорелом лице сразу исчезла.

– Почему вы так думаете?

– Уж очень чисто сработали, вернее – дерзко. Надо бы выяснить, кто в последнее время крутился у «Бирюзы».

«Ай да молодец Громов! С языка у меня сорвал», — в душе похвалил я товарища.

– Резонно, — согласился и Белов. — Вот вы с Наумовым и отработайте эту версию. Может, кто-нибудь из наших «крестников» отличился.

«Да!.. — Подумал я. — Представляю, каково придётся моим друзьям. В городе проживает не один десяток человек, уже на практике познакомившихся с уголовным кодексом. Кто из них, где и как проводил вчерашний вечер? Выяснить это – задача не из лёгких. Очень даже не из лёгких!»

Однако Громова она ничуть не смутила. Он переглянулся с Наумовым, слегка подобрал, чтобы не помял, светлые, хорошо отутюженные брюки, сел на своё место и тут же быстро стал писать что-то в блокноте.

– Та-ак... — продолжил Белов. — А теперь ещё раз послушаем товарища Демичевского.

Он устремил на меня пытливый взгляд и после короткой паузы спросил:

– В чём нужна помощь? Зацепок-то почти нет.

Я опять встал, снова оглядел всех и сказал:

– Почему – нет? Взять хотя бы пропавшее такси. Это как раз такое звено, за которое мы можем ухватиться. Надо подключить патрульно-постовую службу и участковых инспекторов. Следует осмотреть все дворы, гаражи, тупики и переулки... Ведь где-то оставлена эта машина!

Белов кивнул. Я был уверен, эта мысль пришла и к нему.

– Теперь второе... Насчёт предположения Громова о том, что за «Бирюзой» велось наблюдение... В первую очередь нужно ещё раз опросить работников магазина и жителей прилегающих домов. Может, действительно, в последние дни кто-то мозолил им глаза.

Белов снова молча кивает и делает в еженедельнике пометку.

– И третье... Не мешало бы посмотреть дела о преступлениях, совершённых в городе с применением огнестрельного оружия. Сегодня я направлю для исследования пулю и гильзу, что нашли в магазине. Как знать, может, сопоставление данных проверок с материалами этих дел и выведет нас на след преступников.

Обговорив с оперативниками ещё ряд вопросов, я покинул кабинет Белова, с нетерпением стал ждать Бубнова. Он обещал прийти в десять, а на моих часах было уже двадцать минут одиннадцатого.

И тут же услышал негромкий стук в дверь. Поспешно откликнулся:

– Войдите!

В узкую щель двери сначала осторожно просунулась широколобая голова Бубнова, и наконец, он сам объявился на пороге. Смущённо улыбаясь, подошёл к столу и показал мне небольшой конверт.

– Вот. Принёс... Как просили.

Он аккуратно вскрыл конверт, бережно достал из него листок бумаги, расцвеченный акварелью.

Первое впечатление было – меня обманывают. Это не могло быть рисунком. Это цветная, мастерски выполненная фотография. Но шероховатость бумаги и некоторая расплывчатость красок на ней убеждали: портрет рисованный.

Но до чего запоминающееся лицо!.. Плотно сомкнуты тонкие губы, сжаты крылья такого же тонкого носа, тревожно прищурены миндалевидные тёмные глаза, нахмурены чёрные брови. Невысокий чистый лоб и густые, красиво уложенные волосы.

Моё долгое молчание, вызванное изучением портрета, Бубнов воспринял как недоверие к его работе. Он смущённо пробормотал:

– Может, не совсем точно изобразил... Вечер был, да и видел-то человека мельком... Если бы он не в машине сидел, а в студии позировал, да при хорошем освещении...

В том-то и дело, а он ещё оправдывался! Если ничего не сочинил, то – завидная зоркость у парня. Я дружески обнял его.

– Всё хорошо. Этот портрет мы сегодня размножим, и... словом, спасибо!

Он покраснел, как девушка, вскинул на меня повеселевшие глаза:

– Тогда пойду? У меня скоро занятия.

Попрощались, и он ушёл. Мне тоже не сиделось в кабинете, хотелось немедленно показать портрет оперативникам Белова: вдруг опознают в нём кого-нибудь из «крестников»?

Но... Как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Все восхищались мастерством художника, крутили портрет так и сяк, однако признать в нём кого-либо не смогли.

– И всё-таки кого-то он мне напоминает, – мучительно соображал Наумов. – Кто это? Кто?..

«Ничего, выясним! — подумал я.— И выведем на чистую воду. Никуда теперь он от нас не денется. Для начала покажу-ка этот портрет Шляпниковой».

Я вернулся в свой кабинет, достал из сейфа специально приготовленные для подобных случаев два портрета других лиц, вызвал служебную машину и поехал в «Бирюзу».

Шляпникова, в присутствии понятых, долго вглядывалась в портреты, затем указала на тот из них, что рисовал Бубнов, и чуть дрогнувшим голосом подтвердила: «Он! Очень похож на того бандита».

3

Домой опять возвращался поздно. По улицам ещё сновали машины, и я невольно приглядывался к ним – не промелькнёт ли такси с номером «37—38»? Ох, как была нужна мне эта машина! Твёрдо верил, что от неё потянулась бы ниточка к раскрытию разбойного нападения на «Бирюзу».

Жёлтых такси проносилось немало, но всё не те, не те...

Так, озабоченным, и пришёл домой. Не успел вытащить из кармана ключ от квартиры, как дверь распахнулась – и я увидел счастливое, улыбающееся лицо Елены.

– Как хорошо!.. Как хорошо, что ты всё-таки пришёл, – порывисто воскликнула она и втянула меня в прихожую.

Я замер у порога.

– А что, собственно, случилось? Почему – «всё-таки»?

– Потом, потом скажу. Давай переодевайся – и ко мне, в мою келью.

И тут я заметил на Елене нарядное тёмно-зелёное вечернее платье и лёгкий белый шарфик. Они придавали ей праздничный вид.

– Какое-нибудь семейное торжество? – догадался я, наконец.

Она молча кивнула.

– И моё присутствие тоже необходимо?

Ещё кивок. И мне ничего не оставалось, как подчиниться и наскоро привести себя в порядок. Не понимал только, почему торжество не в гостиной и так тихо в квартире?

Быстро снял запыхавшуюся форму. Умылся. Надел белую рубашку, синий галстук. Сдул с костюма пылинки. Вгляделся в зеркало: на меня смотрел кудрявый, сероглазый, ещё молодой человек, прилично одетый и с не очень скучной физиономией... Так что вроде бы всё нормально, можно было идти.

В комнате Елены чуть светились крохотное бра на стене. Горел зелёный огонёк стоявшей на полке магнитола, слышалась приглушённая мелодия блюза. На журнальном столике, придвинутом к тахте, – вазочка с цветами, бутылка шампанского и торт. Елена сидела на тахте. Густые каштановые волосы рассыпались по плечам.

Присел рядом и спросил:

– А Екатерина Ивановна где?

И тут же в ответ услышал тихий серебристый смех:

– Разве со мной тебе не интересно?

Я окончательно растерялся.

– Почему же... – и чуть не с мольбой снова спросил:

– Но объясни, пожалуйста, что всё это значит?

Лена привычным лёгким жестом отбросила со лба волосы.

– Мама уехала к тётушке на денёк. Мы с тобой одни... Понимаешь, вчера мне исполнилось тридцать. Мы думали отметить это событие, но ты пришёл с работы очень поздно... Давай отметим его сегодня.

Обескураженный, я молчал. Так вот почему вчера она была такой грустной... Милая, добрая моя Прекрасная Елена!

Машинально оглядел её комнату. Здесь я был впервые. Всё здесь дышало чистотой и уютом... Но почему мне такая честь? А у меня и подарка нет.

Я лихорадочно перебирал в памяти скудную обстановку моей комнаты.

Есть! Нашёл! Тут же сорвался с места:

– Я сейчас... Извини.

И помчался к себе.

Лена – большая любительница книг. Недавно я приобрёл по случаю замечательное издание романа «Русский лес». Леонов всегда привлекал меня своим глубоким философским мышлением, афористичностью речи, а тут вдруг – отлично изданный томик! Подписать его – дело одной минуты.

Увидев подарок, Елена вздохнула:

– Ах, Демичевский! Зачем это? Я же знаю, как тебе хотелось заполучить эту книгу.

Я поспешил развеять её огорчение.

– Ничего. Ещё достану. Лучше прочитай, что я там нацарапал.

Лена раскрыла томик и снова счастливо улыбнулась, неожиданно наградила меня лёгким поцелуем:

– Спасибо за «Елену Прекрасную» и такой дорогой для меня подарок.

Мы сели на тахту. Всё так же приглушённо звучала мелодия блюза, в бокалах искрилось шампанское, нескрываемой радостью сияли глаза Елены.

– Расскажи мне о себе, Демичевский. Как ты жил, кого любил?.. Сегодня я хочу всё знать о тебе. Всё!

В голове моей чуть шумело от выпитого вина и поцелуя. Музыка расслабляла, вызывала на откровенность. Хотелось окончательно размагнититься и раскрыться, рассказать о наболевшем.

И вспомнился далёкий старинный город. Тенистый парк. И девчонка на скамейке... Красивая девчонка, русоволосая, с глазами, наполненными тревогой.

«Ты не забудешь меня, Владик?».

«Я буду писать тебе каждый день!».

И писал. Все два года армейской службы. И ни на одну из девчонок не глядел. А Катюша не дождалась, вышла замуж за другого парня.

Нет! Об этом не стоило говорить никому. Это моё, пусть оно во мне и останется, думал я.

– Ну что ты молчишь? – спросила Лена.

А я не знал, что и сказать.

– Тогда потанцуем? – терпеливо предложила она, видимо, догадавшись о моём состоянии.

И мы медленно поплыли в полумраке. Рука Елены легко лежала на моём плече, глаза, не отрываясь, смотрели в мои глаза.

– Ты всё ещё любишь её? – тихо спросила она.

И опять не нашёлся, что ответить. Врать нельзя, и правду сказать в такой вечер язык не поворачивался.

– Знаешь, давай не будем говорить обо мне. Всё-таки героиня вечера – ты! Лучше расскажи о себе. Извини за нескромность, почему ты не замужем?

Лена шутливо рассмеялась.

– Потому что таких плутов, как ты, не встречала.

Она остановилась.

– Но если серьёзно – были предложения. Да душа ни к кому не лежала. Почему-то все лишь о себе и думают, о своём «я». А мне, Демичевский, не рабыней, а царицей быть хочется!

– Клеопатрой, что ли?

– Нет! Такой, как Суламифь. В любви своей – царицей. Понимаешь?

Я бестолково кивнул, и мы возвратились за столик.

– Хочешь кофе? — спросила Елена.

– Хочу.

Лена ушла на кухню, и вскоре по всей комнате разнёсся горьковатый аромат.

– Почему ты вчера так поздно вернулся? – спросила она. – Что-нибудь случилось?

– Да, – ответил. – Ищем пропавшее такси.

И, не вдаваясь в подробности, коротко поведал о вчерашнем ЧП,

– Ужас какой, — передёрнула плечами Елена. – Лучше расскажи что-нибудь весёленькое.

Уж сегодня ты обязан развлекать меня.

Начал вспоминать. Но в голову лезли одни лишь криминальные истории. Лена рассмеялась.

– Ладно, не мучься.

И взяла мои руки в свои ладони.

– Какие у тебя красивые, тонкие пальцы, Демичевский.

Я весь напрягся, почувствовав нежность её рук.

– Что ж в них хорошего...

– Не скажи... Глаза или лицо могут обмануть человека. А вот руки... В них, по-моему, вся душа... У тебя пальцы музыканта. Но ты ни на чём не играешь!

– Играю, – возразил с улыбкой. — На гитаре играю. Да всё никак не могу купить – в магазинах они нарасхват.

– У тебя очень красивые пальцы, – задумчиво продолжала Елена. И неожиданно прикоснулась к ним губами.

У меня перехватило дыхание. Это был уже не тот мимолётный поцелуй, которым она наградила меня всего несколько минут назад... Руки мои сами потянулись к этой волнующей, удивительной девушке. И я почти не слышал страстный, срывающийся её шёпот.

– Подари мне их, подари!..

Боже мой, как в этот момент стучало в моих висках... С трудом оторвался от её губ и встал с тахты, чтобы не видеть откровенных глаз Елены.

– Потанцуем, Лена... Давай потанцуем...

4

Утром Елену варила для меня кофе.

– Спасибо за вчерашний вечер, – сказала она тихо.

Кусок бутерброда застрял в моём горле. Хорош вечер! При первой возможности удрал, как мальчишка. А она ещё благодарит!

Лена словно подслушала мои мысли.

– Не переживай так, Демичевский. Я сама вела себя глупо... А пальцы свои мне всё-таки срисуй. Срисуй, Демичевский.

– Будет сделано, – шутливо пообещал я, лишь бы что-то ответить. – Потом можешь поместить рисунок в рамку, раз они так тебе понравились.

Пил кофе и никак не мог разобраться в себе: стыжусь, что не ответил на вчерашний порыв Лены, или сожалею об этом?

– Я провожу тебя, – сказала Лена. И я заметил, что одета она по-дорожному.

– Куда-то собираешься ехать?

– Да... Ненадолго.

Мы вышли на улицу. Лена проводила меня до бульвара. Шли и молчали. Молча и разошлись, лишь смущённо улыбнувшись друг другу.

Честное слово, на работе легче! Там и самое запутанное дело не кажется таким уж неразрешимым. Даже ЧП с магазином.

Расстроенный, свернул к горотделу. Не успел подняться в свой кабинет, как на пороге появился возбуждённый Наумов.

– Лебедев звонил. Насчёт пропавшей машины. Нашлась, говорит!

Лебедев – наш лучший участковый. Его слову я верю как своему.

– Где? Где эта машина?

– Дачная, 15.

– Начальству докладывал?

– А как же! Дана команда выезжать. Все уже в сборе.

В нашем «уазике» и впрямь было не повернуться: оперативники, эксперт Губин, кинолог с собакой... «Уазик» сорвался с места и помчался по улицам за город, в дачный посёлок.

– Как нашли? – спросил я Наумова.

– К Лебедеву мужичок с утра пришёл, местный плотник Егоров. Так, мол, и так. Слышал, милиция машину ищет. Не она ли за его сараюшкой стоит? Лебедев сразу туда. Действительно, за сараем – такси, жёлтого цвета, номерной знак «37—38». Он и позвонил нам... Интересно, почему преступник оставил машину именно там?

Шофёр, хорошо знавший дачный посёлок, без особого труда отыскал нужную улицу. Вдоль обочин тянулись стройные тополя, и казалось, что сквозь их густую сочно-зелёную листву лучи солнца никак не могут пробиться к земле, яркими бликами застревают в пышных кронах.

Дорога, где местами были выбиты куски асфальта, узкой лентой вилась по посёлку и за одним из поворотов неожиданно оборвалась у небольшого, в два окна по фасаду, кирпичного дома с палисадником и сараем, за которым стеной стоял густой и тёмный лес.

Из-за сарая выплыла коренастая фигура Лебедева. Он одёрнул на себе китель, поправил сбившуюся набок фуражку, неторопливо подошёл к нам и коротко доложил обстановку. Теперь можно было приступить к осмотру.

Жёлтая «Волга» сиротливо стояла в тени за сараем. С улицы было невозможно увидеть её. Наверное, поэтому и оставил машину здесь преступник. И на земле знакомый, очень знакомый рисунок от протектора «Волги». С той же характерной щербинкой...

Я подал членам опергруппы команду, и у нас началась привычная работа, без спешки и суеты. Каждый делал, что положено. Мы фотографировали, чертили план местности, изучали почву в поиске следов. Главным было – не упустить малейшей мелочи, которая – как чаще всего и бывает – могла оказаться самой существенной для дела.

В палисаднике цвели вишни, осыпали нас нежными лепестками. Земля от них белым – бела. Опросив Егорова: когда увидел здесь эту машину, не приметил ли, кто оставил её, я прошёл к сараю. Там Губин увлечённо колдовал над машиной. Обработывал химическим составом приборный щиток, рулевое колесо, дверные ручки... Никаких следов!

– Наверное, действовали в перчатках, – огорчённо высказался Губин, и устало опустился на траву. – Либо стёрли следы. Мастаки, видать!

С досады, я тоже чуть не выругался.

– Может, попросить в помощь экспертов областного УВД?

– Не надо, — отверг моё предложение Губин. — Сами управимся.

Он резко поднялся.

– Все следы не уничтожишь!.. Это они, «мастаки», думают иначе. А нас не проведёшь!.. Что-нибудь да осталось. Отгоним «Волгу» в отдел и будем разбирать машину.

Так и решили. К тому же здесь нам больше делать было нечего: собака след не взяла – слишком много времени прошло, а Наумов с Лебедевым тоже возвратились с обхода домов ни с чем – никто из жителей не приметил приехавших в такси.

Я проголодался и потому по дороге в отдел вышел из машины у ближайшего к райотделу кафе, чтобы немного перекусить. Быстро разделался с борщом и котлетой, запил освежающим берёзовым соком. После такой обеденной процедуры опять можно было и за работу.

– Передохнул маленько? – дружески обнял меня за плечи Наумов, как только я вновь появился в отделе.

Я улыбнулся ему и тоже спросил:

– Что Губин?

– Разбирает с гаишниками машину. Уже демонтировали рулевое колесо, переключатель скоростей.

– Нашли что-нибудь?

– Пока не знаю.

– Пойду-ка, посмотрю,

– Желаю удачи!

Я вышел во двор и стал ждать там результатов осмотра. Время тянулось медленно, порой казалось, что оно остановилось. Наконец услышал радостный возглас Губина:

– Есть пальчики!

– Где? – заторопился к нему.

– На обратной стороне руля. Да и на внутренних поверхностях рукояток ручного тормоза и рычага переключателей скоростей... Я говорил – найду!

Зафиксированные отпечатки Губин тотчас же унёс в лабораторию. И выяснилось, что водителю Власову и его сменщику Водолазкину они не принадлежат. А в небе уже зажглись первые звёзды... Усталые, мы разошлись по домам.

5

Утром я присоединился к Наумову, занятому изучением уголовных дел, выделенных в отдельное производство в связи с розыском преступников. В горле першило от перелистывания пыльных страниц многотомных дел. Яркий свет лампочки вызывал резь в глазах. Мы кашляли, чихали, протирали воспалённые веки, но всё листали и листали страницы.

И вот, вроде бы, пришла удача. Моё внимание привлекло дело о разбойном нападении в лесопарке, где на месте происшествия были изъяты гильзы, очень похожие на ту, что мы обнаружили в «Бирюзе».

– Ну-ка, ну-ка... Дай посмотреть, – попросил Наумов и забрал у меня дело.

– Так ведь это Соловьёв, твой предшественник, по нему тогда работал! – воскликнул он через минуту. – Преступников было двое – какой-то Эдик и Пикулин. А взяли лишь Пикулина. Его одного и судили: не знает, мол, второго, и всё!

– Оружие изъяли? — быстро спросил Наумова.

– Нет, в том-то и дело. Якобы у второго осталось. Да и потерпевшие, супруги Ладыгины, говорили, что пистолет был в руках у второго преступника.

Я ещё раз пролистал дело. С фотографии в профиль и анфас на меня смотрел молодой парень, никак не похожий на того, кто учинил налёт на «Бирюзу»: курносый, белобрысый... Я записал данные о его личности.

– Сколько ему дали? — опять спросил Наумова.

– Семь лет.

– Проверь – не сбежал ли, не освободился ли досрочно.

Наумов кивнул, а я продолжал читать показания потерпевших: как выглядел второй преступник? И замерло сердце: тёмные волосы, смуглое лицо... Хорошо разглядеть не успели, но полагают, что при встрече узнали бы. Глаза запомнились: чёрные, с густыми длинными ресницами. Показания дополнял композиционный портрет преступника. Похож! Очень похож на того, кто стрелял в «Бирюзе».

Наумов тоже внимательно всмотрелся портрет.

– Слушай, — возбуждённо обратился он ко мне, — а ведь это он — кого мы ищем. Помнишь, я вспоминал, где его видел? И вот, гляди-ка, снова этот мерзавец выплыл. Да по какому делу!

Я записал домашний телефон потерпевших, чтобы вызвать их, поговорить с ними и показать портрет, что принёс мне Бубнов.

А время уже за полдень, Дела все изучены, можно было и перекусить.

Мы вышли на улицу и вскоре уже орудовали ложками всё в том же небольшом светлом кафе у горотдела.

К вечеру мне стало известно, что гильза, изъятая в «Бирюзе», и гильзы, проходившие по уголовному делу Пикулина, идентичны, и что преступник пользовался оружием калибра 7,65. Возможно, в лесопарке и в магазине действовало одно и то же лицо. Кто этот человек? Все первоначальные следственные действия были проведены, вещественные доказательства собраны, свидетели по делу опрошены... Но пока мы никак не могли выйти на него, и это сильно удручало меня.

В дверь моего кабинета постучали. Это были Ладыгины. По телефону я просил их зайти ко мне по возможности сегодня же. И они с пониманием отнеслись к моей просьбе.

Супругам лет под сорок. Выглядели довольно интеллигентно, оба высокие, стройные. Несколько взволнованные вызовом... Коротко объяснил им, в чём дело, и, пригласив понятых, выложил на стол перед Ладыгиным дюжину портретных рисунков. В их числе и работу Бубнова.

Даже не разглядывая, сразу указали на портрет брюнета:

– Он!

– А не ошибаетесь? — спросил. — Внешность его, конечно, примечательна, но всё же? Волнуясь, Ладыгина принялась объяснять:

– Понимаете, он очень дерзко вёл себя. Другой-то парень помалкивал, лишь сумочку у меня взял.

– Я бросился к Людочке на помощь, — добавил муж. — А этот бандит выстрелил в меня. Забудешь ли такое?

– А что делал в это время второй преступник?

– По-моему, он не ожидал такого поворота. Закричал: «Эдик! Эдик! Да ты что!..». Думается, он об оружии не знал.

Оформив протокол опознания, я встал из-за стола попрощаться.

– Ну что же... Спасибо, что пришли к нам.

– А этого Эдика, видимо, так и не задержали? — сокрушённо спросила Ладыгина.

– Задержим. Обязательно задержим, — заверил я супругов. — Можете мне поверить.

Сказал так не потому, что хотелось успокоить и подбодрить их. На этот раз действительно у нас было больше возможностей для его поимки и разоблачения.

Я попрощался с Ладыгиными. И как только они ушли, достал из папки составленную мной справку о личности Пикулина.

«Пикулин Игорь Константинович, 1964 года рождения, русский. Образование — восемь классов. Холост. Родственников не имеет. Ранее не судим. До ареста работал на заводе „Метиз“ слесарем. Занимался в секции бокса спортивного общества „Труд“. Имеет первый спортивный разряд...».

Значит, не совсем потерянный человек. Почему же скрывал напарника?

Схватился за телефон, набрал номер Наумова. В трубке долгие гудки. Наконец Сергей ответил. Судя по голосу, он изрядно запыхался.

– Здесь Наумов. Слушаю вас...

– Привет, Серёжа! Что так загнанно?

– А-а, это ты, Владик... Дай дух перевести... Задержанного доставляли. Он так вырывался – насилиу с Громовым управились. Уже шёл к себе по коридору, когда вдруг услышал звонок в кабинете. Пока открывал дверь, пока к столу бежал...

– Запрос о Пикулине сделал?

– Да. По телетайпу.

– Ну и как? Что ответила колония?

– Жив и здоров. На месте.

– Это далеко?

– Да километров сорок. В Прибрежном... Уж не хочешь ли скатать к нему?

– Угадал. Хочу. Очень личность для меня интересная. Поговорить надо.

– Есть что-нибудь новенькое по делу?

– Да. Ладыгиных повидал. Убеждён теперь: в лесопарке и в «Бирюзе» стрелял один и тот же человек – Эдик.

– Что же Пикулин молчал о нём?

– Вот и надо выяснить.

– Когда думаешь ехать?

– При первой возможности.

– Ну-ну... Желаю успеха.

– Пока!

Я положил трубку, задумался. Почему смолчал Пикулин? Из чувства товарищества? Из страха перед Эдиком? Так ведь Пикулин – спортсмен. Боксёр!..

Да, да... Боксёр... А как личность? Что он за человек, кто скажет? Кто знает его лучше – мастер? Тренер? Надо бы встретиться с ними. В деле-то Пикулина о них – ни строчки. Эх, Соловьёв, Соловьёв! Как же ты мог обойти их вниманием?

Я взглянул на часы. Время уже позднее. Можно было двигаться к дому. А дома, после ужина, Лена постучала в мою дверь:

– Можно?

– Конечно, заходи!

Лена проскользнула в комнату, и я с удивлением заметил в её руках гитару.

– Вот, играй на здоровье.

Гитара на вид совсем новая. Даже струны не натянуты.

– Где ты взяла?

Лена отвела глаза и как-то чересчур беспечно ответила:

– У подруги выпросила. Всё равно валялась без дела. Так что владей и отводи душу.

Лена, Лена!.. Так вот почему вчера она так неожиданно умчалась в Москву. Это же она за гитарой ездила! Сердце моё переполнилось нежностью.

– Спасибо, Леночка, Спасибо за царский подарок. И как хорошо, что у тебя такая отзывчивая подруга. Передай ей, пожалуйста, что отныне и я буду её самым верным и преданным другом.

Лена вскинула брови, долго и молча смотрела на меня, стараясь понять, шучу я или говорю серьёзно. Наконец, истинный смысл моих слов дошёл до неё. Лицо Лены вспыхнуло от смущения, и она торопливо ответила:

– Хорошо, хорошо, передам... А ты сыграй мне что-нибудь.

– Прямо сейчас?

– Если не занят, конечно.

Я настроил гитару, тихонько потрогал струны. Начал негромко напевать:

Живёт моя отрада. В высоком терему.

А в терем тот высокий. Нет хода никому...

Гитара в руках подрагивала. Дрожат и мой голос, пощипывали подушечки пальцев... Как давно я не играл!

Подперев ладонью голову, Лена, казалось, не столько слушала, сколько внимательно разглядывала меня, будто нашла во мне нечто такое, что ей доселе не было ведомо.

Я взял новые аккорды и, стараясь развеселить, шутливо принялся напевать новую песенку:

А мне мама говорила,
Говорила, говорила!
Целоваться запретила,
Запретила, да!..

Чёрт ли с этим согласится,
Согласится, согласится?
Для меня же не годится,
Не годится, да!..

Лена заулыбалась.

– А ты, оказывается, ещё и артист. Вот не знала!

Я отложил гитару и, подражая Карлсону, продолжил дурачиться:

– О! Я самый лучший в мире артист! Самый талантливый!

Лена рассмеялась, но в этот момент в прихожей раздался звонок. Она сорвалась со стула и выбежала из комнаты. В открытую дверь мне было хорошо видно, как высокий молодой блондин с церемонной вежливостью протянул Елене огромный букет цветов, а Лена, улыбаясь, провела гостя в свою комнату.

Через минуту она возвратилась и с улыбкой сказала мне:

– Это Румянцев Славик. Поиграй без меня. Ладно?

Я пожал плечами: Славик так Славик. Знаю, что в одной школе с ней работает... Лена снова улыбнулась и тут же исчезала. Мне почему-то было неприятно слышать их весёлые голоса за стеной. А ведь опять так хорошо начинался вечер!..

6

...Как-то незаметно наступила пятница. Думал, она что-нибудь прояснит в отношении «Бирюзы», но... И мне ничего не оставалось делать, как выправить командировочное удостоверение и ехать в исправительно-трудовую колонию к Пикулину. Решил предварительно встретиться с его бывшим тренером Скляр и мастером слесарного участка завода «Метиз» Хлебниковым.

Созвонился сначала с тренером. Он ответил неохотно, с тревогой. Почему? Ладно, выясним.

В большом просторном зале спортобщества «Труд» десяток здоровых мускулистых парней в боксёрских перчатках пружинисто кружили по полу и неистово лупцевали друг друга. Скляр явно нехотя подошёл ко мне, отрывисто и нервно заговорил, показывая золотые зубы:

– У меня, как видите, не детский сад... Я готовлю боксёров, вмешиваться в их личную жизнь мне, знаете ли, недосуг...

– И всё же, – сказал я терпеливо, – что можете сказать о Пикулине?

– Ничего, – резко ответил он, видимо, стремясь поскорее закончить разговор. – Я прочил его в чемпионы республики. Ко мне-то какие могут быть претензии? Я в этом деле чист, как стёклышко. И в спорткомитете отчитался за него. Зачем снова воду мутить?

Мы сидели за столиком в углу зала, смотрели на «будущих чемпионов» и говорили как будто на разных языках. Этот коренастый, жилистый мужик с редкими волосами на голове, водянистыми глазами и с перебитым носом никак не мог или не хотел понять меня.

Я сделал ещё попытку.

– Вам-то сейчас ничего и не грозит. Речь о Пикулине, вашем воспитанике. Как всё-таки случилось, что он так сорвался?

Взгляд Склера сделался ледяным.

– Я ему не нянька, – ответил он тоном, не допускающим возражений. – Своих забот хватает. Скоро снова республиканские... Мне могут «заслуженного» присвоить. И я знать ничего не хочу об этом бандите.

Нет, подумал я, не присвоят ему звание! Быть такого не может. Кто-нибудь да увидит, что он за человек. Вряд ли его подопечные добьются на соревнованиях каких-либо успехов: школа не та! Не та школа!..

Мы сухо распрощались и я, провожаемый гулким хлопаньем перчаток, вышел из зала.

На улице было ещё светло, хотя солнце почти скрылось за домами. «Эх, была, не была!» — подумал я. — Махну – ка сразу и к мастеру. Без предупреждения. Чего тянуть? Пусть уж и с ним прояснится сегодня»

На остановке впрыгнул в раскрытую дверь троллейбуса и через десять минут уже был в уютной двухкомнатной квартире Хлебниковых. Хозяин – подвижный, хотя и немолодой, встретил меня без какой-либо тревоги и смущения. Радушно проводил в большую комнату и наказал жене — симпатичной улыбочивой блондинке – «быстренько сообразить что-нибудь на стол». Вскоре перед нами вился из красивых чашек душистый парок крепко заваренного чая, и беседа сама собой становилась всё более непринуждённой и доверительной.

– Да, золотые у Игоря руки. Цены им нет! – горячо характеризовал Пикулина Хлебников. Он даже отодвинул недопитую чашку. – Бывало, что ни поручишь: штамп, какой сделать или приспособление... ещё и чертежей нет порой, одна задумка – в момент справится. Посидит, покумекает, что-то прикинет, что-то примерит... Глядишь – готово уже!

– Значит, неплохой был парень. Как же тогда всё так с ним получилось? — спросил я.

Хлебников вздохнул, расстегнул на волосатой груди рубашку, откинулся на спинку стула.

– Что скрывать – упустили мы его. Парень работал что надо. А коль с заданием справлялся, не подводил, а порой и выручал коллектив, то особой тревоги за него не испытывали.

Хлебников налил нам ещё по чашке чая и продолжал вспоминать.

– Как-то раз, правда, пришёл он на смену, словно после крепкого подпития. Глаза красные, веки опухли, голос сиплый.

«Что это ты себе позволяешь!» — сказал ему. А он в ответ:

«Извини, Пал Палыч. Так уж случилось». Ну, я и отстал. А зря. Надо было попытаться, что да к чему. Глядишь, и уберёт бы парня.

– Только раз так было?

Хлебников неторопливо прихлебнул из чашки.

– Так – только раз. Хотя ребята сказывали – по ресторанам он хаживал.

– Говорят, был чемпионом города по боксу?

– Да, славу имел. Но она ведь не только радость. Иных и отравить может. Не каждый перед ней устоит, особенно когда ему ещё восемнадцать... Я потом с тренером его схватился. Как же, мол, ты допустил, чтобы споткнулся парень. Так ведь Склера меня и слушать не стал. Мол, авторитет его подрываю. По-моему, дрянной он человек!

Я промолчал, хотя был полностью согласен с такой аттестацией.

– А вы, собственно, почему интересуетесь Игорем? Он что-нибудь опять выкинул? — спросил Хлебников.

– Нет-нет, – поспешил я успокоить. – Просто кое-что осталось невыясненным в его деле. Вот и хотелось бы поговорить об этом. Он ведь не один был в тот злополучный вечер. А вот назвать соучастника – не захотел. Как считаете – почему?

Хлебников отставил в сторону чашку.

– Всякое может быть... – ответил задумчиво. – Парень-то он душевный, даром, что сиротой рос. Может, пожалел кого, вот и умолчал о нём. Я Игорька знаю: горе у кого или забота большая – всего себя этому человеку отдаст. Уж очень отзывчивый. И помяните моё слово – здесь тоже что-нибудь такое случилось... Вы с ним будете говорить?

– Буду.

– Имейте это в виду. И привет от меня передайте. Скажите, Пал Палыч на него хоть и в обиде за ЧП, но в любое время готов принять на участок. Да и ребята по-хорошему о нём вспоминают. Я, правда, писал ему об этом, да он на письма не отвечает. Верно, стыдится за себя. Только зря замыкается. Вы и это передайте. Мол, верим в него, в его рабочую струнку верим. Так и передайте, ладно?

– Так и передам, – заверил я. – Спасибо вам, Пал Палыч.

– За что же спасибо?

– И за прямоту вашу, и за радушный приём... За всё!

Я допил чай, поднялся из-за стола.

– Ну... Мне надо идти.

Он несколько растерянно протянул руку. Крупную, жилистую... Я с чувством пожал её:

– До свидания!

– А может, посидим ещё?

Я качнул головой и вдруг поймал себя на мысли, что не выяснил ещё один вопрос.

– А с кем дружил Игорь?

Хлебников пожал плечами, задумался.

– Да вся бригада уважала его, – ответил он через минуту.

– А Эдик у вас на участке есть?

– Нет такого. Ни на участке, ни в цехе.

Я ещё раз попрощался с ним и гостеприимной хозяйкой и покинул квартиру.

На улице уже стемнело, стало прохладнее. Неторопливо двигался к своему дому и медленно проигрывал в памяти сегодняшние встречи... Как хорошо, что на свете есть Хлебниковы! Обязательно скажу Пикулину, чтобы держался своего Пал Палыча.

Я шёл, и с каждой минутой всё, прежде скованное заботами и тревогами напряжённого трудового дня, словно оттаивало во мне.

На углу улицы, под ярким фонарём, какая-то дородная тётя всё ещё торговала фиалками. Правда, в корзине осталось лишь несколько букетиков. Купил все. Для Лены. И сделал это с превеликим удовольствием. Давно хотелось осыпать её цветами. А тут – вот они!..

И в радужном настроении продолжал шествовать к дому. Нёс фиалки, а видел изумрудные глаза Елены, её нежные белые руки, милую улыбку... И вдруг заметил у подъезда дома знакомую долговязую фигуру Славика Румянцева. Слоняется туда-сюда... Я быстро спрятал фиалки за спину: только бы он не увидел их.

Румянцев тоже узнал меня, остановился.

– Здравствуй, – сказал он, почему-то счастливо улыбаясь.

– Привет, – нехотя ответил я. – А где же ваши цветы?

– Цветы? Ах, цветы!.. Они у Лены. Она всегда так радуется им.

– Значит, вы уже от неё? – злость буквально распирала меня. – Тогда что же всё у подъезда топчетесь?

Румянцев вспыхнул и, запинаясь, ответил:

– Вот... Уходить не хочется...

– Ну-ну. Побродите под окнами, спойте серенаду...

В глазах Румянцева проявилась растерянность. Он озадаченно спросил:

– Зачем вы так?

А мне и самому уже было неудобно за издёвку. Парень как парень... Чего на него взъелся? И какое мне дело, кто кому дарит цветы и почему их принимают.

– Простите, Славик, — сказал я. — Всего вам хорошего.

Я проскользнул боком в подъезд и на своём этаже выбросил фиалки в мусоропровод. На душе сделалось так тяжело, будто вместе с цветами выбросил ещё что-то, дорогое-дорогое, без чего и жить нельзя, наверное. Осторожно, стараясь не греметь, вставил ключ в замок, открыл дверь и почти на цыпочках стал красться в свою комнату.

Но не тут-то было. Дверь кухни стремительно распахнулась, и в проёме возникла Елена.

– Добрый вечер!.. Что такой пасмурный?

– Разве? — заговорил я. — Зато второй, у подъезда, млеет от счастья.

Весёлые искорки в глазах Елены погасли. Она смотрела на меня непонимающим взглядом.

– О ком ты говоришь?

Но мне не хотелось вдаваться в объяснения, и я молчал.

Лицо Елены стало задумчивым.

– Слушай, Владик, — тянула она слова, впервые называя меня по имени. — Уж не ревнуешь ли ты? Вот не ожидала!

А ведь в точку попала. И для меня это ужасное чувство было тоже полнейшей неожиданностью. Ишь, какой Отелло выискался!

Попытался скорее ретироваться, но Елена сердито остановила:

– Нет, Демичевский. Давай договоримся: мои друзья – это мои друзья.

Скрип двери заставил её умолкнуть. В коридоре появилась встревоженная Екатерина Ивановна:

– Леночка, милая... Что тут у вас?

Лена бросила на меня обиженный взгляд и, не ответив, ушла. Я смущённо смотрел на Екатерину Ивановну, она – на меня.

– Владислав Викторович, что случилось?

– Ничего. Так, поговорили... Вы не беспокойтесь.

Она недоверчиво покачала головой и торопливо вернулась в комнату.

Мне сделалось совсем нехорошо. Что я за олоуп такой! Сам себе всё испортил.

Так и заснул с гнетущим чувством чего-то тяжёлого, почти непоправимого. С тем и проснулся утром, весь в холодном поту от мучивших во сне кошмаров. В мыслях только Елена, её глаза, полные обиды. Что же это со мной, думал. Неужели всё-таки опять втрескался? Всерьёз, по-настоящему. Разве такое бывает?..

Прошёл в ванную комнату, прислушался – кто на кухне? Если там Елена, лучше уйти из дому без чая. Думал, мне теперь и не взглянуть на неё. Но на кухне было тихо. А времени – уже восемь... Быстро умылся, оделся... На кухне по-прежнему ни шороха. А меня уже томила эта тишина. Прошёл туда, налил чай и как можно медленнее прихлёбывал из чашки. Мне уже не хотелось быть одному. Хотелось хотя бы на миг, всего на мгновение, но увидеть Елену, её лицо, её глаза: что будет в них – всё та же милая улыбка или?.. Про «или» и думать было страшно. От «или» – свет стал бы не мил.

Словно угадав моё желание, появилась Лена. Уже одетая.

– С добрым утром! – сказала она, лукаво поглядывая в мою сторону.

– Здравствуй! – счастливо откликнулся я. От этих её слов и взглядов у меня будто гора свалилась с плеч. Лена!.. Моя Прекрасная Елена! Ты снова, думал я, идёшь мне навстречу. Такому упрямому и бестолковому. За что мне этакое счастье?

7

Через час уже ехал в колонию. За окнами вагона электрички сначала медленно, а потом всё быстрее проплывали пристанционные постройки, жилые дома и деревья, мелькали зелёные поля и перелески, ручейки и речушки... Вспоминал ласковые взгляды Елены и невольно улыбался: «Спасибо тебе, спасибо!»

За спиной слышался звон гитары, приглушённый шумок молодых голосов. От скамейки к скамейке бегали двое малышей-близнецов, кудрявые и озорные, одетые в одинаковые матросские костюмчики... Всё это автоматически фиксировалось в моём сознании, не вызывая каких-то особых эмоций, лишь уводили мысли к предстоящей встрече с Пикулиным: вдруг разговор не получится? И вообще – как он там, чем занимается?

Электричка замедлила ход и скоро встала у небольшого вокзала. Близнецы бросились к окнам: «Прибрежный!». В вагоне зашевелились. Я тоже поднялся, двинулся к выходу. У при вокзального скверика сел в автобус и поехал до самой окраины посёлка. Там, как объяснили мне попутчики, нужно было выйти на просёлочную дорогу, и уж она-то привела бы к колонии.

И в самом деле, минут через двадцать передо мной предстал бетонный забор с вышками на углах, массивными железными воротами и небольшим помещением КПП – контрольно-пропускного пункта колонии. В узком шлюзовом пенале КПП я передал в окошко своё служебное удостоверение. Молодой прапорщик охраны сначала внимательно просмотрел удостоверение, потом перевёл взгляд на меня, затем спросил, к кому из сотрудников хочу пройти.

А к кому же ещё, как не к начальнику? Накануне ему уже сообщили о необходимости нашей встречи. Прапорщик с кем-то созвонился, попросил меня подождать немного. Вскоре появился пожилой седоволосый капитан и предложил мне пройти за ним в «зону», в штаб.

– Я провожу вас к начальнику, – пояснил он.

– Как мне его называть? – спросил я по дороге.

– Майор Васильев. Николай Алексеевич. А я его заместитель по воспитательной работе с осуждёнными...

Васильев на вид был моложе своего заместителя — лет сорок, не больше. Круглолицый, широкоплечий, по-военному подтянутый. Он встретил меня в своём кабинете приятной, располагающей улыбкой. Энергично пожал мне руку.

Я попросил рассказать о Пикулине: что он за человек, как относится к работе, к своему преступлению?

– Ну, сейчас-то он не на плохом счету, – быстро откликнулся Васильев. – В передовиках, правда, не ходит, но и замечаний особых не имеет. А вот два года назад... Да вы посмотрите его личное дело, почитайте характеристики.

Васильев пододвинул ко мне лежащий перед ним на столе толстенный том дела. Я с интересом принялся листать страницы.

«По характеру замкнут. В коллективе ведёт себя обособленно. Ни с кем не переписывается, работать не желает. На убеждение и примеры возвращения к честной трудовой жизни других таких же осуждённых не отзывается, к администрации и к её наставлениям относится с недоверием...».

«...Преступление своё осуждает, согласился приступить к работе на производстве, но по-прежнему считает, что к настоящей жизни на свободе он уже не пригоден. В отчаянии, что она проходит мимо него...»

«Впервые за два года выполнил на производстве месячное задание и был поощрён правами начальника отряда...».

Да... Тут всё было как в зеркале. Захотелось сейчас же посмотреть и на самого Пикулина, поговорить с ним.

Васильев вызвал дневального и попросил привести Пикулина. Спустя несколько минут раздался негромкий стук в дверь.

– Войдите, – откликнулся Васильев. В кабинете появился невысокий парень в тёмной хлопчатобумажной куртке и таких же брюках. Снял с головы фуражку, вытянулся у порога и чётко доложил, обращаясь к Васильеву:

– Гражданин майор, осуждённый Пикулин Игорь Константинович, статья 146, часть вторая, срок – семь лет, по вашему вызову прибыл.

– Проходите, садитесь, – пригласил его к маленькому столику Васильев.

Прежде чем сесть, Пикулин бросил на меня быстрый озабоченный взгляд. Чувствовалось, сообразил, что его вызов связан с моим присутствием здесь. Он присел напротив меня. Снова окинул быстрым взглядом. По всему было видно, что его тревожил мой штатский вид, и он никак не может догадаться, кто я и что мне от него надо.

– Вы уж тут без меня побеседуйте, – обратился ко мне Васильев. – А я вас пока оставлю. Понадоблюсь – нажмите кнопку на столе.

И вышел, подбадривающе кивнув Пикулину.

На мгновение в кабинете воцарилась тишина.

– Я из Рыбнинска. Следователь отдела милиции капитан Демичевский, – представился я Пикулину. – Мне нужно о многом поговорить с вами.

Он с ещё большей настороженностью вскинул на меня свои светло-серые глаза и тут же отвёл их в сторону. Весь его скованный вид подсказывал, что говорить ему со мной не очень-то и хочется. Нужен был какой-то подход, чтобы вызвать его на откровенность. Но какой?

– Курите? – спросил Пикулина и придвинул к нему пачку «Беломора».

Он повернул голову, молча вытащил из пачки папиросу, прикурил. Закурил и я.

Пикулин не смотрел на меня. Часто затягиваясь, косил глазами в угол. Папиросу держал не между пальцев, укрывал в кулаке, словно курил тайком или на ветру, в дождь. Кисти рук у него широкие, пальцы загрубевшие, по-настоящему рабочие.

И тут мне вспомнился разговор с его мастером.

– А вам привет от Хлебникова.

Голова Пикулина непроизвольно задёргалась. Он недоверчиво посмотрел на меня.

– От кого, от кого?

– От Пал Палыча, мастера вашего.

– Не может быть...

– Почему?

– А когда вы с ним виделись?

– Вчера.

– И он ещё помнит меня?

– Не только помнит, но и всей душой переживает за вас. Готов в любое время принять на свой участок. Считает вас первоклассным слесарем. Или ошибается?

– А вы-то к нему с какой стороны?

– Да тут вот как всё получилось... В связи с одним происшествием пришлось нам поднять ваше дело. Так на Пал Палыча и вышли. И разговорились о вас.

– А что за происшествие? Почему понадобилось изучать моё дело?

– Что за происшествие? – медлю с ответом. – Мы ещё к нему вернёмся. Вы лучше вот что скажите: кто всё-таки был с вами в тот злополучный вечер 30 сентября 1982 года, когда двумя выстрелами из пистолета был ранен гражданин Ладыгин?

Пикулин поморщился, загасил в пепельнице окурки.

– Я уже говорил на суде – не знаю.

– Ну, Пикулин... А мне здесь рассказывали, что вы вроде бы за ум взялись. Если так, зачем опять заводить старую песню?.. Вот выйдете из колонии, начнёте новую жизнь. И вас

не будет тяготить то, что человек, втянувший вас когда-то в грязное дело, всё ещё на свободе и, быть может, совершает новые преступления?

– Значит, он всё-таки не пойман.

– Пока – да. Ведь вы упорно покрываете его.

Пикулин снова отвёл глаза.

– И всё-таки... Что он ещё натворил? – глухо спросил он через минуту.

– Совершил разбойное нападение на один из фирменных магазинов.

В глазах Пикулина засквозило недоверие.

– Почему вы думаете, что он?

– Его опознали. И потом... При налёте на этот магазин и при ограблении Ладыгиных стреляли из одного и того же оружия. Что это за оружие, Пикулин?

Он опустил голову:

– Не знаю.

– Кто этот человек? Как вы с ним познакомились?

Парень молчал, упорно смотрел в сторону.

– Да поймите же вы!.. – начал я заводиться и остановил себя. Заводиться-то мне было и нельзя. Ну, никак нельзя. Ради моего дела. Ради всех тех, кто вскоре мог вновь оказаться жертвой Эдика.

– Поймите, – приглушил я свой голос, – быть может, сейчас, пока мы с вами разговариваем, этот человек снова в кого-нибудь стреляет. В того же Пал Палыча, не дай бог!

– Разрешите ещё папиросу, – нервозно попросил Пикулин.

Я пододвинул к нему «Беломор». Пикулин закурил, жадно затянулся.

– Так кто этот человек? Как зовут его? Снова спросил я.

– Эдик, – тяжело вздохнул Пикулин. – А вот фамилию, где живёт и работает, не знаю.

Честное слово, не знаю.

– Когда и как вы с ним познакомились?

Он опять сделал несколько глубоких затяжек.

– Три года назад. В августе. В ресторане «Солнечный». Не рассчитал я немного, оказался перед официантом банкротом. Девочек своих выпроводил, а чем расплачиваться – не знаю. Тут он и подсел ко мне. Расплатился за меня и ещё заказ сделал. Мол, рад познакомиться с чемпионом. Расстались друзьями, но продолжали встречаться. Вот так всё и началось.

– Что – всё?

– Ну... моё падение, что ли... Поверьте, это вышло случайно. Как раз в тот вечер, 30 сентября, денег не оказалось ни у меня, ни у Эдика... Договорились с официантом, что подождёт с часок. А сами нырнули в парк, как раз рядом с рестораном... Если бы я не так пьян был, домой скатал бы или занял денег у знакомых. А тут он всё подзуживал: давай выйдем, у первых попавшихся червонцев попросим, скажем – потом, мол, отдадим. Опомнился я, когда он уже стрелять начал. Как и куда я потом бежал – не помню. Только кто-то догнал, скрутил меня в бараний рог и сунул в «канарейку»... в машину, значит, вашу.

– Почему на следствии и на суде промолчали?

Пикулин грустно усмехнулся.

– Эдик ещё до суда как-то сумел переслать мне в СИЗО записку. Мол, дьявол попутал. По гроб будет обязан, если умолчу о нём. Свадьба, мол, у него скоро, зачем и невесте жизнь портить... Неужели всё заливал?

– А кто невеста? Видели её?

– Девчонок-то у него много было. Может, Светка? В сентябре он всё с ней крутился. Фамилию, правда, не знаю... Беленькая такая. Где-то парикмахершей работала.

Вот так, слово за слово, и прояснилась картина. Оставалось предъявить Пикулину рисованный портрет Эдика. Я нажал кнопку звонка и попросил появившегося Васильева вызвать понятых. В их присутствии положил на стол рисунки.

– Может, узнаете кого... – спросил Пикулина.

– Вот, – он указал на портрет Эдика. – Если бы знал, что он опять может на подлость пойти, – давно бы показания дал.

Пикулин снова опустил голову. И, пока я разглядывал его, он думал о чём-то своём. Я понимал, что происходит в его душе. Негромко спросил:

– Что передать Пал Палычу?

Пикулин вскинул голову, глаза ожили:

– Скажите... Пусть ждёт. Скажите, отхожу понемногу от нокаута. В другом таком не окажусь... Да я сам напишу ему.

– Вот это верно, – одобрил я. – Таиться от него не надо. Золотой он человек!

– Это точно! – отозвался Пикулин. И смотрел уже заметно веселее.

8

И снова – электричка. Я возвращался домой. Опять стучали на стыках рельсов колёса поезда, за окнами вагона – уже знакомый мне пейзаж. В голове мысли о Громе, о Наумове: у них что нового?

И, конечно, думал о Лене. Всего-то несколько часов не виделся с ней, а уже с нетерпением ждал новой встречи. Но неприятно мелькала в голове одна и та же навязчивая мысль: почему Лена принимает ухаживания Славика?

А колёса всё стучали и стучали... И думы, думы, думы...

Первый, кто в понедельник попался мне в отделе, – это Наумов. Чуть не столкнулся с ним на лестнице. Лицо у него усталое, напряжённое. Но, увидев меня, приветливо улыбнулся.

– Салют! Уже вернулся!

Мы обменялись крепким рукопожатием.

– Как съездил – с результатом или вхолостую?

– Нормально. Пикулин, в сущности, неплохой парень. Рассказал всё, что нужно. А ты куда торопишься?

— Да в больницу надо скатать. Тут без тебя такое приключилось... Утром звонок по «02». И кричат в трубку: «Приезжайте скорее! Сосед разбушевался, по квартире с топором бегаёт, всё крушит, всё рубит...» Ну мы с Кандауровым и выскочили по адресу. Короче, сержант на себя удар принял, тем и спас хозяйку.

Кандауров! Помощник дежурного!

— Сам – то он хоть жив? — спросил я, а горло словно сдавило стальными тисками.

— Второй – то удар я успел перехватить. А вот от первого он пострадал, — удручённо ответил Наумов. — Всё плечо разворотило. Хирург предупредил: если жить будет, то служить — вряд ли. Вот, спешу узнать — очнулся ли?

— Хорошо бы всё обошлось! Порадовал, что называется.

— А ты к Громову зайди. Может, утетишься. Он тебе ещё одного свидетеля откопал. А я побегу. Ладно?

— Давай... Беги!

И Наумов убежал. А у меня настроение — хуже не бывает. Отправился к Громову: что ещё за свидетель? И застал у него шуплого рыжеволосого паренька.

Отвечив на моё приветствие рукопожатием, Громов хмуро спросил:

О Кандаурове слышал?

— В курсе уже. Наумов сейчас поехал к нему. У тебя что нового?

Лицо Громова посветлело.

– Вот, знакомьтесь, – кивнул он на паренька. И с довольным видом продолжал: – Бывший мой подшефный, а нынче – лучший таксист города Владимир Бучкин.

Парень смущённо опустил глаза.

– Скажете тоже... Шофёр как шофёр.

Громов улыбнулся.

– А чья фотография в городском парке? Не твоя разве? Нет, Володя. Ты доброй славой не стесняйся. Её ещё не каждый заслужил. А твой портрет уже в галерее передовиков. — Громов встал из-за стола. Освободив мне место, пересел в угол. – Лучше расскажи нашему следователю, товарищу Демичевскому, о Камилове – где, когда и при каких обстоятельствах с ним встречался. Так же подробно, как мне сейчас рассказывал.

Бучкин с минуту молчал, собираясь с мыслями, потом спокойно и подробно начал объяснять:

– Эдиком его зовут. Камилов Эдик. Я с ним года три назад познакомился. Я тогда шептунной был. Вот вместе пятнадцать суток и отбывали. Он мне всё анекдоты травил да разные байки о Чёрном море рассказывал, как там летом с девчонками развлекался. В общем-то, весёлый парень... И тут вдруг, дней десять назад, встречаю его вечером, часов около семи, у «Бирюзы». Прохаживается у дворика, покуривает, будто ожидает кого из магазина. Я к нему: «Здорово, Эдик!». Повернулся он и поначалу вроде как испугался чего-то. А когда узнал – заулыбался, подхватил под руку и давай выпытывать, как живу, да чем живу, вожу ли ещё машину... Настоящего-то разговора у нас с ним не вышло. Как сказал ему о моём анфасе в парке, он сразу поскукнел, заторопился прощаться. И больше уже я не встречал его. Так бы и не вспомнил о нём, если бы не вчерашний разговор с товарищем Громовым... Ушёл он от меня, а я и уснуть не могу, всё его вопросы и рассуждения о ЧП в «Бирюзе» из головы не выходят. И вдруг как огнём меня ожгло: а чего это Эдик крутился у магазина, не он ли там нашкодил? От корешей своих прежних слышал, что Эдик на любое подлое дело пойти может, такой уж он парень заводной. И вот как подумал о нём, так еле утра дождался, чтобы позвонить вам.

– Портрет показывал? – спросил я Громова.

– А как же, — ответил. — Оpozнал его Бучкин. Камилов был в «Бирюзе».

Оформили показания Бучкина и отпустили его.

– Золото, а не свидетель! – воскликнул Громов.

– Да, — согласился я. — Теперь нам нельзя терять ни минуты. Где живёт Камилов, выяснил?

– Нет ещё.

– Как думаешь, сколько ему лет?

– Двадцать пять, не меньше.

Снять телефонную трубку и позвонить в адресное бюро – дело нескольких секунд, и вскоре в моём блокноте появились два адреса: Камилова Эдуарда Каюмовича, 1959 года рождения, и Камилова Эдуарда Георгиевича – 1957-го. Первый проживает по улице Большая Садовая, 17, квартира восемь, второй – Заводская, 10, квартира двадцать восемь. Другие однофамильцы Камилова в адресном бюро не значились. Кто из этих двух побывал в «Бирюзе»?

– Придётся проверять обоих, – озаботился Громов.

– Зачем обоих, – возразил я. – Интересующий нас Камилов, как ты слышал, отбывал пятнадцать суток. Надо поднять материалы, там его адрес тоже указан.

– Точно! – оживился Громов. – И как это я не сообразил. Бывают заскоки – что ближе лежит, то и далеко!

– Ничего, ничего... Действуй! Доводи дело до конца. Лады?

– Лады!

– Белов здесь?

– Здесь. Тебя ждёт. Тут ему звонок за звонком из УВД. И всё по «Бирюзе». Мол, не требуется ли нам помощь? Белов, конечно, тактично заверил, что и мы тут не лыком шиты. Но, видно, там хотят подстраховать нас.

– Ничего, теперь и сами справимся, — сказал я и отправился к Белову.

– Прибыл? – приподнялся он из-за стола, отвечая на приветствие. – В 17 часов оперативка по «Бирюзе». Приходи. Нужно рассмотреть всё, чем мы объективно на сегодня располагаем... С Громовым виделся?

– И с ним, и с его «крестником», Александр Петрович. По-моему, мы уже выходим к финишу.

– Ишь, какой шустрый. Скажи проще: выяснил – кто?.. Камилов?

– Он, Александр Петрович. Точно, он! Остаётся продумать: когда, где и как брать его... Если, конечно, он ещё в городе.

Глаза Белова стали заметно веселее. Он хлопнул меня по плечу.

– Продумаем! Это мыс тобой, Демичевский, продумаем. Теперь мы его и на краю света найдём.

К пяти часам все, кто был приглашён на совещание, один за другим собрались в его кабинете. Присоединился к ним и я. «Наш» Камилов, как уже выяснилось, проживал по Большой Садовой улице, 17.

Я опять присел у окна, оглядел присутствующих: за столом Белов сосредоточенно перебирал лежащие перед ним бумаги, на диване в напряжённом ожидании застыли Громов и вернувшийся из больницы Наумов, на стульях, расставленных у стен, разместились другие члены следственно-оперативной группы.

Белов, наконец, встал, обвёл всех нас долгим взглядом:

– Значит, предлагаете сегодня же брать Камилова? Не торопитесь ли?

– Нет. Мешкать с этим не следует, – твёрдо ответил я.

– Однако нам ещё неизвестна его сообщница. Задерживать, так одновременно обоих, – возразил Наумов.

Белов продолжал смотреть на меня, что-то соображал.

Я повернулся к Наумову.

– Нам нельзя и часа тянуть с Камиловым. Пока будем искать его сообщницу, не преподнесёт ли он новое ЧП? Как тогда людям в глаза будем смотреть?

– Пожалуй, вы правы, Демичевский, – сказал Белов. – Где предлагаете брать Камилова?

– Дома. Только дома. На улице опасно – кругом люди, вдруг заминка какая, и он за пистолет... Теперь-то ясно, что он на всё способен.

– За пистолет он и дома может схватиться, – опять встрял Наумов. – Переполошим людей, если хуже чего не выйдет... Что у него за квартира? С кем он живёт?

– У него только мать-портниха, – вступил в разговор Громов. – Я тут перед совещанием участкового опросил... Камилов уже давно – лишь на её хлебах. После десятилетки учился пару лет в инженерно-строительном институте – бросил, устроился барменом в ресторан и тоже не удержался там. А живут Камиловы в двухкомнатной квартире, на втором этаже.

– Значит, запросто в окно может сигануть, – вслух размышлял Наумов. Он сморщил лоб и добавил: – В коридор бы выманить его. Есть у них там коридор? Что собой представляет? – обратился он к Громову.

– Есть, – быстро ответил тот и передал Белову лист бумаги. – Взгляните, это план дома и квартиры, участковый по памяти нарисовал.

Мы принялись поочерёдно изучать план. Да, коридор есть. Я высказал свои соображения на этот счёт: если в коридоре есть щиток с автоматическими пробками, то можно отключить освещение квартиры. Кто тогда выйдет посмотреть, в чём дело? Конечно, мужчина. А в данном случае – Камилов!

– Дельно! – загорелся Наумов. – Вряд ли он в этом случае сунется в коридор с оружием.
– Значит, так... – опять заговорил Белов. – Уточняем детали операции. В первую очередь устанавливаем за домом наблюдение, блокируем подъезд... На лестничной площадке и во дворе в самый ответственный момент не должно быть никого из детворы и жильцов! С ними надо сработать особенно аккуратно! Кому это поручим?

Наумов с Громовым с нарочитым вниманием опять принялись разглядывать план дома, будто и не слышали последней фразы Белова. Он с пониманием усмехнулся:

– Что ж, возложим это на участкового. Как считаете, товарищи, справится?

– Да детвора в нём души не чает! – живо отозвался Громов.

– И весь народ к нему с почтением! – добавил Наумов. – Справится, товарищ майор!

– Вот и отлично, – заключил Белов. – Значит, капитан, вам с Громовым быть у щитка.

Они как по команде встали, в один голос громко ответили:

– Есть, быть у щитка!

И я чётко понял, что если наш план удастся и Камилов будет дома, ему уже не уйти от них, даже если он выйдет к ним с оружием.

9

Наше совещание в этот вечер несколько затянулось. Мы вновь и вновь уточняли детали предстоящей операции, обсуждали возможные действия её участников, время проведения... Одни сотрудники войдут в группу захвата преступника, другие будут перекрывать пути его вероятного отхода, блокировать двор дома... Ну, а мне предстояло провести у Камиловых обыск.

Без десяти семь оперативники Белова доложили, что Камилов дома и выходить пока не собирается.

А на улице всё ещё светло, как днём. И минуты тянутся мучительно долго. Пятнадцать минут восьмого, полвосьмого... Восемь часов... Двадцать минут девятого...

Я выглянул из окна кабинета на улицу: есть ли где огоньки? Ведь начало операции ровно в девять. Огней пока – ни в одном доме. Лишь полыхали в витринах и окнах домов оранжевые отблески заката.

В восемь тридцать – звонок Белова:

– Спускайся вниз – через пять минут выезжаем.

Я снова выглянул в окно: закат уже потускнел, на улице – серая дымка... Пожалуй, к девяти часам и стемнеет.

Спустился по лестнице в вестибюль и ясно услышал, как сильно стучит моё сердце. Неужели так волнуюсь? Ведь всё продумано до мелочей...

У подъезда присоединился к Белову. Сели в машину. Все остальные участники операции уже давно на улице Садовой. По радию то от одного из них, то от другого — короткие сообщения: «Двор блокирован», «Подъезд блокирован», «Объект на месте, посторонних в квартире нет»...

На тихой улочке, у старого четырехэтажного дома с высокой аркой над въездом во двор, наша машина остановилась. На доме табличка: «Большая Садовая, 17». Вдоль арки прогуливались двое хипповатых парней. С трудом узнал в них работников райотдела. Во дворе – ни души, лишь за самодельным столиком у второго подъезда всё ещё стучали костяшками домино четверо чем-то мне знакомых личностей. «И эти – наши!» – пронеслось в голове.

Взглянул на часы: без трёх минут девять. «Пока войдём в подъезд, пока поднимемся по лестнице...»

Вот и второй этаж. С площадки третьего нам навстречу бесшумно спускались Наумов и Громов. Обменялись взглядами: «Пора!».

Наумов с Громовым нырнули в ярко освещённый проём коридора, и он тут же погрузился во мрак. Озноб нетерпения прокатился по моей спине. Представил себе, как же были напряжены в этот момент нервы и у других участников операции... Казалось, будто прошла уже целая вечность. Послышался металлический щелчок замка, недовольный мужской голос, потом яростный хрип, и мы с Беловым бросились в темь коридора. Я нащупываю щиток с пробками. Вспыхнул свет, и я увидел распостёртого на цементном полу полуголого темноволосого парня в шортах, с закрученными за спину руками, на ногах его – тяжело дышащего Наумова. Рядом с ним Громов – защёлкивал на запястьях парня наручники. Тот конвульсивно извивался, что-то мычал.

Всё! Дело было сделано! В считанные секунды.

Громов рывком поставил Камилова на ноги. Теперь уже у меня не было никакого сомнения, что это Камилов: точный оригинал рисунка Бубнова. Мы завели его в квартиру, пригласили понятых.

А где же мать Камилова?

Нашёл на кухне. С полной отрешённостью на бледном, без кровиночки, старческом лице она неподвижно застыла на табурете у стола и никак не отозвалась на предложение пройти в комнату сына.

Но мы и без неё нашли всё то, что искали: пистолет, патроны к нему, пачки денег в инкассаторской сумке, спрятанной за шифоньер. На столе и на книжных полках валялись затрёпаные порножурнальчики, видеокассеты с фильмами ужасов.

Громов брезгливо поднял один из таких журнальчиков и показал Камилову:

– А это дерьмо в каких подворотнях выискали?

– А тебе что — завидно? Тоже на голых баб поглазеть захотелось? — истерично прокричал Камилов. — Ну, гляди, гляди!

Понятые – две докучливые старушки – при этом всё охали и ахали: «Да как же так!.. Да что же это!..» – и вразной торопости заверить, что Эдик «всегда был такой хорошенький, такой милый мальчик!». И что мать души в нём не чаёт...

А мать не плакала, лишь беспомощно и растерянно прислушивалась к выкрикам сына, а когда его стали уводить из квартиры, проводила тоскливым взглядом. Мы же отправились в отдел.

На улице уже окончательно стемнело. В открытую форточку машины врвался прохладный ветерок... И так хорошо было у меня на душе, так хорошо, что я невольно мысленно убежал к Елене. Целый день с ней не виделся. Как-то встретит меня, что скажет?

А Лена ничего и не сказала. Лишь печально смотрела на меня и молчала, молчала, молчала... В груди моей всё перевернулось от возникшей тревоги: когда Елена так смотрит и молчит, значит, чем-то расстроил её. Но чем?

Я топтался в прихожей и не знал, что сказать. В комнату уходить не хотелось и вот так в молчанку играть – тоже. Тихо и осторожно спросил:

– Что не весела?

Она грустно усмехнулась.

– Я так ждала тебя сегодня... Неужели и в выходные дни ты не можешь побыть дома?

Я облегчённо перевёл дыхание.

– Почему не могу? Могу! Вот только разберёмся с «Бирюзой»...

Лена недоверчиво покачала головой.

– Ой, Демичевский... Свежо предание...

– Знаешь что? Выходи-ка ты за меня замуж, а? – неожиданно для себя выпалил я и замер в тревожном ожидании ответа.

Глаза Лены округлились.

– Ты это... серьёзно?

– Конечно!

Она некоторое время молчала, потом с запинкой ответила:

– Спасибо тебе за лестное и столь дорогое для меня предложение. Но... замуж за тебя... я пока не пойду.

– Почему?!

Лена предостерегающе вскинула палец к губам:

– Тише – маму разбудишь.

И вдруг взяла в ладони мои руки, как в тот недавний, памятный для меня вечер, и поцеловала их.

Непостижимо!

Совершенно сбитый с толку, я осторожно высвободил руки.

– Как же тогда понимать тебя?

Лена выпрямилась, задумчиво повернула голову в сторону.

– Ты прости меня, Демичевский. Я и сама себя не понимаю.

Она перевела на меня взгляд.

– Хочешь откровенно?.. Когда ты появился у нас, показался мне таким молчуном, таким нелюдимым... И захотелось расшевелить тебя... А сейчас вот места себе не нахожу, если не увижусь с тобой хоть денёк. Вот ведь как всё получилось.

– Тогда почему... отказ?

– По-моему, ты поторопился со своим предложением. Разве обо мне думал в тот наш вечер?

– Много ты знаешь, о ком я думал — пробурчал с раздражением. – И не такой я сухарь, как ты считаешь, нашли бы общий язык.

– Да, ты не сухарь. Просто был замороженный какой-то... А душа у тебя чуткая, отзывчивая. Потому и прошу – давай пока останемся просто друзьями.

«Друзьями? Просто – друзьями? Ну, нет. Такое мне не подходит! — думал я. — А как быть с третьим? С тем же Славиком? Не зря он вокруг неё так увивается...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.